

“ПТИЦА СЧАСТЬЯ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ”

“Птица счастья завтрашнего дня” — эта песня была суперхитом 80-х годов. А задолго до этого Бисер Киров блистал на европейских и мировых конкурсах вместе с Дином Ридом, Жаком Брелем, Роем Орбисом и многими другими. Потом времена изменились, Киров окончил московский ГИТИС в классе Иоакима Шароева, уже давно живет в Германии и занимается телевизионной режиссурой. И, конечно же, поет.

Мы договорились встретиться в ресторане при болгарском посольстве. Надо сказать, знакомство удалось на славу, и больше всего я был поражен внешним видом певца, которому незадолго до встречи исполнилось 55 лет.

— Бисер, скажите, как вам удается так хорошо выглядеть?

— Если бы я был дамой, я бы обрадовался. Я выгляжу так, как могу. Единственное, чему я уделяю внимание, — это волосы. Остальное — полная натура. Здесь все зависит от породы.

— А спортом вы не занимаетесь? Сейчас все сплошь и рядом заняты тренажерами.

— Пускай тренажеры останутся кому-то другому. Я иногда бегаю вместе с моей собакой — великолепным коккер-спаниелем Бекки. Я грибник заядлый, очень люблю прогулки, особенно в горах. Люблю помогать в деревне делать всякие мелкие дела — дрова принести, воды. Печально, но большим спортом не занимаюсь. Накачивать мускулатуру, бегать по дорожке — это не мой мир. Я люблю, когда все спокойно, потому что я вообще спокойный человек. Черчилль, к примеру, за всю свою жизнь не пробежал и 20 метров. И что? Он так и говорил: “Спешишь некуда”. Я люблю футбол смотреть. Вчера весь вечер провел перед телевизором, смотрел кубок иорданского короля.

— Вы болеете, естественно, за болгарскую сборную?

— Что за вопрос! Я раньше был в большой дружбе с болгарской сборной, в особенности с Христо Стоичковым. Я даже написал гимн для сборной перед чемпионатом мира в Америке под названием “Здравствуй, Америка”. Христо, наверное, вообще экстрасенс, потому что когда он берет что-то предсказывать, то это неизменно сбывается. Так он сказал перед матчем с российской сборной: “Русские освободили нас от Турции, а мы их освободим от Франции”. Так было и перед матчем с Германией. Христо сказал: “ein, zwei — out!” (“один, два — вылет”), и мы тогда выиграли 2:0.

— Вы сейчас живете и работаете в Германии?

— Живу-то я в Германии, а вот работаю в основном здесь, в России. Я свою нишу занял еще 30 лет назад и выходить из нее не собираюсь.

— А почему именно профессия телережиссера?

— Потому что телевидение сейчас — это главное искусство. Как раньше это было кино, то сейчас это уже телевидение. Оно очень актуально, оно быстро меняется, при помощи телевидения можно показать и вчера, и сегодня. Моя основная работа — постановка музыкальных программ, бенефисов, детских передач. В Болгарии я делал передачу “Бисер Киров-шоу”, здесь на РТР — “Золотой ключик”, и несколько в Германии.

— Вы говорили, что где-то в Родопх находится ваша родная деревня?

— Мы недавно были две недели в Болгарии, застряли в горах, в моем родном селе Чокманово. Выпал снег, и мы с женой оказались полностью отрезанными от цивилизации.

Не было телефона и электричества, только камин. Там находится самая экологически чистая точка Европы, поскольку вокруг на сто километров нет ни одного предприятия. Но я там нахожусь не для того, чтобы отдыхать, я там оказался по своей судьбе. Это деревня моего деда, и дому, в котором мы живем, уже давно исполнилось 200 лет. Конечно, он был перестроен не один раз. Мы его укрепили, перестраивали. Я даже официально не житель Софии, а местный. И в документах всегда пишу в графе “место жительства”: “Деревня Чокманово, Смоленская община”.

— Вы родились во время войны?

— Да, я родился в 1942 году, 4 сентября, и как говорят, был очень хороший день. Мой отец был священником церкви адвентистов седьмого дня, и через семь месяцев после моего рождения его забрали в армию. Он прошел всю войну начальником лазарета, поскольку по образованию был врачом. Моя мама была очень хорошей художницей и вообще очень артистическим человеком. Из-за профессии отца мы все время переезжали с места на место по всей Болгарии — Силистрия, Добруджа и так далее.

— Насколько я знаю, вы немного занимаетесь историей?

— Да мне просто интересно все, что связано с историей моей страны. Наши страны связаны неразрывно, недаром главная улица в Софии называется Русский бульвар. На ней находятся парламент, бывший царский дворец, памятник Александру II. К русским в Болгарии раньше было очень теплое отношение, несмотря на некоторые курьезы. Вы знаете, кстати, что прототипом знаменитого “Алеши” был сын белогвардейца по имени Валентин Русецкий? Вот такая вот каверза.

А началось все с того, что мне стало интересно — откуда я Киров. Раньше все было за семью печатями и неизменно, как скрижали Моисея, — Болгарская Коммунистическая партия и так далее. Меня часто спрашивают, не родственник ли я революционера Сергея Мироновича Кирова, не внук ли? Тогда уж скорее Иосифа Джугашвили (смеется). Как я узнал, Сергей Киров взял себе псевдоним по имени торговой лавки, напротив которой он жил, когда был подпольным связным.

— А как вы начали петь?

— Я окончил гимназию в Софии в 61-м году и после армии поступил в химико-технологический институт. Я очень хотел заниматься морской биологией. Я был тогда страшно влюблен в фильм Курста “Мир молчания”. Я поступил и на биологический, и на химический. Но поскольку на химическом была новая специальность — полупроводниковые материалы, то моя мама прислала мне телеграмму, чтобы я шел именно туда. Петь я начал на четвертом курсе. Играть же на музыкальных инструментах я начал уже с шести лет. Сначала это была маленькая скрипка, потом я перешел на альт. Если бы так шло и дальше, то я бы, наверное, закончил контрабасом. Однако я перешел на пение, о чем и не жалею. В первый раз это случилось в день 8 декабря, когда в Софии проходил большой студенческий вечер.

— А что же с институтом?

— От этого института у меня осталась жена. Мы вме-

сте учились с первого курса и поженились на пятом. Я об этом ни капли не жалею. Сейчас у нас двое взрослых детей — Венциноса 26 лет и Бисер — 24. Моя дочь окончила юридический факультет Гумбольдтского университета, сейчас работает в Берлине. Сын третий год учится на экономическом факультете и уже работает. Они уже привыкли к Берлину.

— Вы сразу заговорили на немецком?

— В 1981 году был полный кошмар, когда я впервые выступал в Германии и все нужно было петь на немецком, на котором я вообще не знал ни слова. Я с ним долго боролся, но все же выучил. Я до сих пор не очень эффектно говорю на немецком, но все же стараюсь. Кроме немецкого я говорю на английском, на испанском, на польском, на румынском, на русском... Я счастлив, что они мне легко даются. Испанский язык очень интересный, и я его легко выучил, когда долгое время выступал на Кубе и в Мексике. Румынский я несколько раз использовал в Молдавии, когда мне сразу же говорили: “О, вы знаете молдавский!”.

— Вы много выступали в разных странах?

— Я вообще чувствую себя как живая история. Я никогда не работал только в одной стране, никогда не был эдаким локальным матадором. Мне было приятно работать и в Штатах, где я не выступал в кабаках, не работал для эмигрантов, а выступал для самых настоящих американцев. И в Германии я не работал для русско- или болгароязычной публики, а для немцев! То же самое и в Чехии, и в Польше. Поэтому у меня было очень горькое чувство, когда я понял, что все эти страны будут жить по отдельности. Не будет одной огромной страны, а будет одна сплошная война. Раньше я себя повсюду чувствовал как дома — и в Душанбе, и в Алма-Ате, и в Таллине. Однако это, наверно, закон времени. Так получилось. Я себя не чувствую обиженным или ограбленным. Жалко одно: ведь песни — это язык ангелов, и многие теперь его просто больше не слышат.

— У вас нет ощущения разочарования от происходящего здесь?

— Вы думаете, в Штатах нет проблем? Я там жил шесть раз по три месяца — тысяча проблем у всех, так что все, что происходит здесь, — нормально. Там просто страна живет в совсем других измерениях. Если Россия проживет 200 спокойных лет без войн, то здесь будет гораздо лучше, чем в Америке. Просто были какие-то ошибки во время перестройки. Ваши люди мне нравятся — очаровательные и умные, очень любящие музыку. Вы ничего не потеряли. Только в Европе русские музыканты как-то не идут.

— Язык мешает или что?

— Я себе тоже задаю этот вопрос. Но посмотрите, сколько шведских групп среди самых известных! Есть много голландцев и других. Почему же за эти семь или даже больше лет никто так и не рискнул толком выйти на хотя бы европейский рынок? Хотя если взять “Евровидение”, то там наверняка есть какой-то антирусский ход. Не персонально против Пугачевой или Киркорова, но против русской песни вообще. Не могут таких артистов заводить на последние места просто так. Наверное, еще время не пришло.

— Как вы относитесь к нашей бывшей неофициальной эстраде?

— Я много раз встречался с Макаревичем, мне очень нравился Гребенщиков. Они мне нравились больше, чем другие, например, “Самоцветы” или “Синяя птица”, “Цветы” или что-то еще. У “Машины времени” была своя, особая музыка. Но я считаю, что коммунизм вообще не был хорошей средой для рок-н-ролла. То, что возникало, появлялось только из чувства протеста.

Вообще я думаю, что русская песня по-своему уникальна. В ней сочетаются и азиатские, и европейские, и еврейские мотивы. Ее везде понимают. У меня есть специальный букет из нескольких русских песен — “Под окном черемуха колышется”, “Калинка”, “Очи черные”, “Еще раз”, — и где бы я ни был, везде успех с ними был гарантирован. Все думали, что это какая-то болгарская “Хава Нагила”, а это оказывались русские песни.

— Филипп Киркоров ведь тоже болгарин. Вы были с ним знакомы еще до его появления на сцене?

— Я с ним познакомился, когда он только начал петь. Его отец, Бедрос Киркоров, был эстрадным певцом в Болгарии, потом приехал сюда, женился, и у него родился сын Филипп. Филипп Киркоров — гражданин Болгарии, он очень хорошо говорит по-болгарски, он вообще очень интересный человек.

— Дежурный вопрос: расскажите про самый интересный случай на гастролях.

— Однажды мне в Болгарии после концерта подарили ягненка, я его стал передавать своим музыкантам, он вырвался, побежал, устроил страшный переполох. Через 20 минут его наконец скрутили за декорациями, которые он уже почти разнес. В Средней Азии нам прямо на сцене вручили плов, и нам пришлось его там же и съесть. Самые тяжелые гастроли у меня были во время Олимпиады-80, когда на маленьком самолете “Як-40” 15 человек летали по всей стране и дали за три месяца 164 концерта. Это было убийственно.

— А откуда эта знаменитая шляпа?

— Это история 1986 года. Я встретился в Праге с Динем Ридом, который окончил там снимать ковбойский фильм. Мы обедали в ресторане, и на прощание он подарил мне свою шляпу. Через год мне сказали, что он умер. Тогда я взял его шляпу и поехал на похороны. Там я и сказал себе и ему, что эту шляпу в память о нем буду носить всю жизнь. Я до сих пор сожалею о его смерти, он был очень интересным человеком. Шляпа, конечно, быстро состарилась, и мне пришлось купить новую. Так и началась эта история со шляпами, которые я ношу до сих пор.

— Вы говорили, что у вас есть собака...

— Я считаю ее лучшим приобретением за последние годы. Если у человека есть собака, то он наверняка знает, что собака гораздо лучше человека. Собака — это великая вещь. Она просто необходима, чтобы каждый день встречаться с добром. Ты ходишь весь день, разговариваешь с людьми, которые врут и обманывают, а потом приходишь, и тебя встречает добро, которому все равно, в каком ты настроении, пришел ты хмурый или уставший. Собака больше, чем друг. Слово “собака” у нас как-то негативно воспринимается, а ведь быть добрым и привязанным, как это животное, — это очень сложно и это очень хорошо. Это стоит очень многого.

— Вы подолгу живете в Москве?

— Иногда по несколько недель. Я живу здесь, в комплексе болгарского посольства, на одиннадцатом этаже. Оттуда открывается потрясающий, просто убийственный вид из окна. Внизу вся Москва как на ладони. Слева — Поклонная гора, справа — университет, перед глазами — церковь Христа Спасителя, гостиница “Украина” и Кремль. Кремль очень мало, но все в таком отличном освещении, что я просто теряюсь от такого вида. Эта панорама стоит того, чтобы здесь жить. В последний раз, когда я платил за свой номер на три месяца вперед, моя жена сказала мне: “Бог с ними, с деньгами, твой вид из окна стоит гораздо больше”.

Ощущение того, что ты прикасаешься к живой легенде, так и не покинуло меня за все время разговора. При всех режимах Бисер Киров был той самой “птицей счастья”, на которую с жуткой завистью заглядывались простые люди в разных странах. Он пролетал мимо, пел свои веселые песни, а народ погружался обратно в быт.

Во время разговора мы пили красное вино “Гъмза” 1992 года. При виде его я сказал Бисеру: “В России Болгария стойко ассоциируется с “Монастырской избой” и бренди “Слънчев Бряг”. На что Киров замахал руками и сказал только одно: “Отрава! Давайте я вам лучше расскажу такую притчу: в Болгарии есть 170 песен о красном вине и только одна о белом. И та называется: “Белое вино, почему же ты не красное?”.

Алексей ГОРЕСЛАВСКИЙ.
Фото Андрея ЕГОРШЕВА.

Бисер Киров
стал автором
гимна сборной
Болгарии
по футболу

Моск. комсомолец — 1998 — 6 февр. — с.12